

Надруковано:

Вишницкая Ю.В. Субъект-объектная позиция образа Киева в поэзии XX века / Ю. В. Вишницкая. // Київ і кияни у соціокультурному просторі XIX-XXI століть: національний та європейський контекст: матер. Всеукр. наук.-практ. конф. 12 квітня 2012 р. / М-во освіти і науки, молоді та спорту України, КМДА, Київ. ун-т ім. Б.Грінченка. – К.: [Київ. ун-т ім. Б.Грінченка], 2012. – 184 с. – С. 167-176.

Вишницкая Ю.В., кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт Киевского университета имени Бориса Гринченко

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНАЯ ПОЗИЦИЯ ОБРАЗА КИЕВА В ПОЭЗИИ 20 ВЕКА

Анотація

Вишницка Ю.В. Суб'єкт-об'єктна позиція образу Києва у поезії 20 століття.

Досліджено міфопоетичний компонент мовної моделі світу поетів 20 століття, актуалізований міфологемою "Києва". Запропоновано авторську інтерпретацію образу: проаналізовано дескрипторні ряди інтенціоналу міфологеми у просторах полісвітів універсаму, механізми трансформації образу в художньому тексті. Описано функціонування міфологеми на різних міфологічних зрізах, що свідчить про багатогранність поліетнічного художнього образу "Київ" у текстах російських та українських поетів.

Ключові слова: амбівалентний образ, дескриптор, ідіостиль, міфологема, полісвіти універсуму, сакральний, символ, хронотоп, художня картина світу.

Образ Киева представлен в поэтических текстах русских и украинских поэтов 20 века как субъект осмысления (СО), субъект сопоставления (СС) и объект сопоставления (ОС). Интенционал мифологеми "Киев" объективирован, прежде всего,

- идентификаторами целого: *"новый город", "туманная столица", "славянская столица"* и т.п.;

- части: *"небеса свинцовые", "душные каменные дома", "улица кривая и колокольни по холмам", "золотые церкви", "золоченые громады", "убегающие в воспоминанья, полуденные, холмистые, кривые, непривычные и незабвенные милые улицы, "Рейтарская", "Оболонь", "Чарская", "Житомирская", "беломраморная балюстрада", "крутояры", "парки", "склоны, опоясанные Днепром", "Совета Верховного купол", "кручи днепровские", "Владимир-князь", "Подол", "там, где, смилив коня, Богдан булаву простер", "Софиевский собор", "сумрачный и душный Подол", "стены, заложенные Беретти", "Владимирская"*

горка", "Андреевский спуск", "Приорка", "Никольско-Ботаническая", "Липки", "Лавра", "Ботанический сад", "широкая синяя река", "Выдубецкий монастырь", "замок Ричарда" и т.п.;

- парафразами: "бездна зеленая", "сиреневый терем", "бетонные монстры" и т.п.

Все релевантные формы объективации мифологемы введем в систему логико-семиотической реализации образа¹.

В качестве **субъекта осмысления (СО)** "Киев" представлен спектром прямых дескрипторов.

В стихотворении 1885 года Семена Надсона "туманная столица" противопоставляется "безбрежным степям", "тени садов вишневых", "тиши далеких хуторов" "румяного юга" и маркируется, соответственно, набором негативных ("холодных", "шумных", "бедных") признаков. Все качественные характеристики "туманной столицы" сводятся к доминирующему маркеру: "нездоровый, болезненный, больной", что сближает "Киев" с еще одной столицей – тоже "туманной" – Петербургом, – за которой закреплен миф "болезненного, мистического, бледнолицего" города:

*И вот сбылись мои желанья:
Пусть истомил меня недуг,
Пусть полумертв я от страданья,
Зато я твой, румяный юг!
Я бросил все без сожаленья:
И труд, и книги, и друзей,
И мчусь с надеждой исцеленья
В тепло и свет твоих лучей! (с. 16)²*

"Славянская столица" входит через мифомир сна в стихотворение Татьяны Глушковой "Но в эту ночь такая тишина..." из цикла "Тревожная весна" (1981 г.):

*приснись же мне, славянская столица!
Сверкни веселым золотом куполов,
мозаиками смуглых византийцев,
шелками лент и маками венков,
горошком строгих бабушкиных ситцев.
Введи меня – хотя б последний раз! –
в шатер седого конского каштана,
позволь мне наглядеться про запас
на синеву под булавой Богдана!..
Возьми меня хотя б в последний ряд
той оперы... За тихим за Дунаем... (с. 292).*

¹ Автор метода логико-семиотической рамки – Наталья Витальевна Слухай. См. список работ в: Вишницкая Ю.В. Мифологемы Александра Блока в русском этнокультурном пространстве. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.02. – Киев, 2003 – Интернет-ресурс: Режим доступа: http://jgreenlamp.narod.ru/blok_sod.htm

² Все стихотворения в статье цитируются по сборнику: Киев. Русская поэзия. XX век. Поэтическая антология. / Составление, вступительная статья Юрия Каплана. / Ю.Каплан – Киев: ООО "Юг", 2003. – 440 с.

Символика божественного, святого раскрывается в образе-СО посредством библейских аллюзий и реминисценций в поэзии Юнны Мориц из цикла "Вот лестница в память":

Отче Город! Прими мою скорбь.

<...>

Голубь Город! Прими мою скорбь.

<...>

Брате Город, сородич земли!

Пощади мой очаг невеликий

От смертельно печальной музыки... (с. 288)

Не случаен поэтому еще один мифосимволический дескриптор "центр микромира, человеческой души", который является центральным в стихотворении Татьяны Фесенко "Я заветной земли символический ком...":

В свое сердце я город родной целиком

Уложила от края до края.

Чтобы парк у обрыва был свеж и тенист,

Чтобы храм над рекой подымался,

Чтобы даже весенний каштановый лист

В моем сердце неловком не смялся (с. 260).

Жизнеутверждающая символика в мире христианского монотеизма объективируется образом в качестве **субъекта сопоставления (СС)**. Так, в стихотворении Николая Ушакова "Старый Киев" "световая", "огненная" семантика, контрастирующая с "черным", "страшным" хронотопом "вечераночи", дешифруется с помощью пироморфно-колоративного кода:

Чем был черней

в овраге вечер,

чем ночь в ярах

была страшной, –

тем ярче

разгорались свечи

нагорных

золотых церквей.

Их золоченые громады

пылали жаром

сквозь стекло.

Ведь даже и слепому надо,

чтоб было

где-нибудь

светло (с. 50).

Характерно, что противопоставление "света-тьмы" подтверждается на текстовом уровне еще одной пространственной оппозицией: "оврага" и "холмов", имплицитно восходящей к трехчленной структуре универсального символа Мирового Древа, где нижнему миру (подземному, темному: "овраг", "яр") противопоставлен верхний ("холмы", "нагорные церкви", "громады", "колокольни").

"Огненная" семантика "просвечивается" и в стихотворении Петра Ойфа "Юность в Киеве", где метафора "море огня" эксплицирует гидроморфно-пироморфно-абстрактный код, хромотопически и колоративно противопоставляясь "островам темноты":

*Ударом ноги мы отбросили город –
Острова темноты среди моря огня (с. 62).*

Сакральные знаки (атрибуты божественного верха: церкви, колокола, свечи и т.п.) дешифруют образ Киева с помощью пироморфно-атрибутивно-теистического кода (как в стихотворении Сергея Спирта из цикла "Киевские пейзажи": *Весь город, словно желтым воском,
Закатом полон до краев... (с. 84).*

Святость города символически подчеркнута мифологемой Сада, соотносимой с Эдемом, Раем), вверх-направленной вертикалью:

*И в небо целится ветвями
Огромный Первомайский сад (с. 84).*

Киев-сад одухотворяется антропоморфными характеристиками:

Он замер на краю разрыва

И жадно свесился к реке... (с. 84), что подтверждает анимационно-аниматический хромотоп стихотворения (река – весна – сад – Киев – жизнь).

Открытость, беспредельность, безграничность пространства-города и его близость к таким первоэлементам бытия, как огонь и вода, находят свое воплощение еще в одном стихотворении Петра Ойфа "Киев":

*К молчаливой и долгой досаде
Всех меня ожидавших родных,
Я спешу, не подумав о них,
К беломраморной балюстраде,
Что повисла над бездной зеленой,
Голубой охватив окоем, –
Крутояры, и парки, и склоны,
Опоясанные Днепром.
Вот Совета Верховного купол.
И с далекой начальной поры
Здесь слова по-рабочему скупы,
А дела и добры и щедры (с. 62).*

Мотив памяти, эксплицированный абстрактно-символическим кодом ("Древний Киев – мое узнавание – / *Весь в кипенье и радости дня*" (с. 62)), на морфологическом уровне подтверждается "интимно-родственным", "духовно-близким" местоимением "ты":

*Новый город под старым названьем,
Я сегодня брожу по твоим
Убегающим в воспоминанья,
Полуденным, холмистым, кривым,
Непривычным и незабвенным
Милым улицам вдоль дерев.
Стало чудом обыкновенным
То, что снилось нам на заре.
И от Рейтарской до Оболони*

*Я спешу наверстать в этот зной,
Что упущено из ладоней
За полвека разлуки с тобой (с. 62).³*

"Ты" персонифицирует Киев. Во многих стихотворениях Киев – антропологизируется, сравниваясь и отождествляясь с человеком. Так, в поэзии Семёна Гордеева "Николаю Ушакову" (1974 г.) "очеловечивание" Киева происходит в контексте родственно-семейных отношений "мать – сын", эксплицируемых развернутой метафорой:

*Черноброва Украина –
Мать Киева-красавца –
Приголубила как сына
И вскормила ярославца (с. 69).*

Антропоморфная ипостась Киева представлена и в стихотворении Леонида Вышеславского "Самватас":

*Есть в мире чудо из чудес,
и это чудо – майский Киев.
Самватас! Ты судьбой храним,
глаза твои добром лучатся... (с. 79).*

Мотив глаз⁴ смыкает мифомиры первоэлементов бытия: теистический ("листва вскипела до небес"), астрально-пироморфный ("глаза лучатся", "солнца жар", "кипеть"), гидроморфный ("влагой, бьющей из глубин"), ороморфный ("янтарь и смальта, и рубин – мозаика твоих урочищ"), терраморфный ("урочища", "улицы"). Все пять первоэлементов бытия (огонь, воздух, вода, земля, камень) соединены в слове "яр" ("весеннее когда-то слово,

³ Ср. этот же мотив, объективированный метафорой "водоросли памяти моей" в стихотворении Екатерины Квитницкой "В том доме, где жила моя душа..." из цикла "Дом с привидениями", введенной в анимоморфный мир прошлого:

*Преступно будет преступить порог
И навязать им прежнюю картину:
Как тень моей плиты печет пирог,
Тень паука свивает паутину,*

*Как тень мужчины отворяет дверь,
И тень меня его целует нежно,
И тень ребенка ползает в манеже.
(Всё это, впрочем, может быть теперь*

*У них самих. Вполне похоже, но –
Иные думы, драмы, драки, даты).
Я нынче тать ночной, я – соглядатай,
И мой удел – заглядывать в окно.*

*И домовым шуметь у них в трубе,
И вздохами вращать их вентилятор.
Но ни благословеньем, ни проклятьем
Не смею я напомнить о себе.*

*...И я сбежала прочь, как от погони...
Простилась с ними до скончанья дней...
И водоросли памяти моей
Качались в цветнике на их балконе... (с. 171)*

⁴ Ср. стихотворение Клавдии Билыч "Начало неведомого века" из цикла "Киев-город":
*Все равно, наш Киев-город, ты прекрасен!
Так печальны твои очи, так невучи... (с. 183)*

/ давно увял в нем солнца жар, и нет дыханья лугового" (с. 79)), которое "в каштаных лепестках / алеет капельками крови" (с. 79).

По принципу развернутой метафоры построен и текст поэзии Григория Шурмака "Киевская баллада", в котором все атрибуты города имеют "свой зашифрованный контекст, / Свои к нему ключи" (с. 95). Связующая "нить времен"⁵ (настоящего и прошлого) эксплицирована метафорой [город] "спеленут в провода" (с. 95) и семантическим уподоблением "город – электромагнит" (с. 95). Временные ассоциации смыкают реалии современного Киева и прошлого – города времен Киевской Руси:

*Сплетение ветвей с горы,
Где встал Владимир-князь,
Напоминает с той поры
Монашескую вязь.*

*Тверда Крестителя рука,
Надежен пьедестал.
И пусть великая река
Чернеет, как провал,*

*Где копит Идолище гнев.
У ног – Подол... Дрожь,
Задымленная нить огней,
Как факелы дружин!*

*Там, где, смилив коня, Богдан
Вдаль булаву простер, –
Как будто вече киевлян,
Софиевский собор.*

*Подсвечена со всех углов
Не звонница – хоругвь,
Узор на злате куполов,
Как чешуя кольчуг (с. 95).*

Такие параллели смыкают времена и, по сути, размывают их границы:

*О десяти столетий сплав!
Решать я не берусь:
Что тут сегодняшняя явь,
Что Киевская Русь? (с. 95).*

Размыкание-смыкание времен приводит к тому, что стены между мирами исчезают: переплетаются не только сон и явь, прошлое и настоящее, сливаются тонкие миры человеческого бытия, теистического верха и мир артефактов (призраков, видений, духов).

⁵ Ср. осмысление таких соединений Клавдией Билыч в стихотворении "На фуражках – знак отличья одинаков..." из цикла "Киев-город":

*Но трагичны наши поиски по Прусту,
на прокрустовы ветра и километры,
если сердцу одиноко, горько, пусто!.. (с. 183).*

Семантика верха ("над обрывом") реализована в стихотворении Юрия Каплана "Сирень в Ботаническом саду" образом "терема", представленным "световыми" колоративами "огня", "сирени": "сиреневый мерцает терем" (с. 123). "Сиреневый терем" – колдовской хронотоп, в котором соединяются, переплетаются и "уживаются" и мир теистического верха ("ангельское пенье"), и мир пантеизма ("клюка колдуньи", "душа куста сиреневого")⁶.

"Сиреневый терем", являясь объектом магических ритуалов ("Пир ритуала. Духота / Угрозы. Ангельское пенье" (с. 123)) и противопоставляясь в то же время безжизненным "бетонным монстрам" ("Бетонным монстрам не сберечь / Нас от сиреневой напасти" (с. 123)), выполняет охранительную, обереговую функцию в антропоморфном и анимо-аниматическом мире:

*...И город, изнуренный, слышит:
Лиловой ревностью душа
Куста сиреневого дышит.*

*Нахохлена в тени холма,
Махрова и черна, как хунта* (с. 123).

Негативно маркированным предстает Киев и в стихотворении Екатерины Квитницкой "Городской романс": героиня словно "примеряет" его к своей судьбе:

*Мне этот город узок был в плечах.
Он не давал мне двигаться свободно.
Я в нем жила темно и чужеродно.
Был пуст мой дом и холоден очаг* (с. 171-172).

Имплицитное сближение Города и Судьбы происходит в мотиве "власти" (лексико-семантическая группа глаголов "верховенства, владычества": "снисходил", "учил", "позволял"):

*Но все-таки со мной случались дни.
Когда он снисходил к моим заботам,
Учил меня смеяться не по нотам
И зажигать потешные огни.*

*И позволял налюбоваться властью,
Как над Подолом сумрачным и душным
Отчаянная церковь вознеслась –
Фарфоровая божья безделушка* (с. 172).

Всевластие Судьбы-Города подчеркивается и отчаянием:

*Отчаянная церковь вознеслась..., –
соединенным со страхом за судьбу Города:
Но я порой испытывала страх
И, к землякам приглядываясь робко,
Все думала: найдется Герострат*

⁶ Ср. стихотворение Николая Гумилева "Из логова змиева", где Киев уподобляется хтоническому хронотопу:

*Из логова змиева.
Из города Киева,*

Я взял не жену, а колдунью (с. 323)

и артефакту (в поэзии Осипа Мандельштама "Как по улицам Киева-Вия" (с. 356)).

И серной спичкой чиркнет о коробку... (с. 172).

Мотив судьбоносных связей (но позитивно маркированных) реализуется и во втором стихотворении цикла "Киев-город" Клавдии Билиц "Аллюзивный сонет без кавычек":

*Для двух орфеев из столицы мгlistой
Невесты здесь отыщутся... И вот,
Один – колдунью, солнце акмеистов,
Другой – подругу-нищенку возьмет.*

*О Киев! Ты – питомник русских муз.
Непредсказуем потаённый груз
твоих запасников, пронзителен до боли.*

*Но ты не жадничал. Ты этих кровных уз
петлей не стягивал, ты не держал в неволе...
И оттого так сладостен союз! (с. 183)*

Амбивалентный образ Города представлен в стихотворении Анатолия Лемиша "Вот опять затянула крыши...". Дешифруемый с помощью антропоморфного кода ("Этот Город я ненавижу. / Как мучителя. Как врага" (с. 185)), образ семантически нанизан антитезами "верха" и "низа", "радости" и "печали", "неба" и "преисподней", "правды" и "лжи" и т.п.:

*Вот он, грозный и грандиозный,
Нимбом зарева окружен,
Город звездный и многослёзный,
Город-праздник и город-стон.*

*Весь довольный собой, шикарный,
Весь в крестах, в кружевах аллея,
Как он прячет свой дух базарный
В тень каштанов и тополей!*

*Как он яростно усредняет!
Как роняет себя во лжи!
Как с цепи он спускает стаи
На высасывание души!*

*Как мордуют его сатрапы!
Как умеют устроить вой!
Здесь святее римского папы
Каждый поп и городской! (с. 185)*

Весь текст построен на "балансировании" противоположных состояний и чувств ("И от ненависти шалею, – / И от нежности чуть дышу" (с. 185)), которые сводятся к доминирующей мифологеме пути-выбора:

*Здесь в искусство идти – как выбор:
На погром или с к в о з ь погром.
Слава тем, кто еще не вымер.
Горе тем, кто пошел на слом (с. 185).*

Подобная амбивалентность присуща и "Городу" Сергея Тихого: вегетативный и музыкальный коды образа-СС соединяются с техногенным ("*Это – кроны, и кровли, и стебли антенн. / Это – Первый концерт для моторов и хора*" (с. 196)), атрибутивно-антропоморфный – с теистическим ("*Это – стены-младенцы в объятиях стен / Молодых, и постарше, и древних соборов*" (с. 196)). Синестетический код дешифровки образа Киева – доминирует: "*Это – запах, и цвет, и фактура, и вкус / Устоявшейся жизни дремучего сока*" (с. 196). Обратное "раскручивание" образа Города происходит с помощью постепенного "снятия" смысловых напластований: так, метафора-сопоставление "*Это – надвое! – вечера синий арбуз, / А внутри – золотистые косточки окон*" (с. 196) осмысливается посредством вегетативно-колоративно-атрибутивно-хронотопического кода, соединяющего мир живой, одухотворенной природы и урбанистический мир реального бытия, где все переплетено в бессмертии и вечности:

Это – тополь бессмертный и смертный гранит,

В ноздреватом бетоне – упрямая завязь.

Это – вечное зрение кариатид

И к прозревшему камню внезапная зависть (с. 196).

Такое же многоуровневое сопоставление образа Киева наблюдаем и в стихотворении Александра Вертинского "Киев – Родина нежная":

А твои каштаны дремучие,

Паникадила Весны,

Все цветут, как прежде, могучие,

Берегут мои детские сны (с. 224).

Мир живой, одухотворенной природы ("*каштаны дремучие*", "*цветут*") посредством соединения вегетативно-флористического и теистического кодов ("*паникадила Весны*") является миром-оберегом прошлого-детства-сна. Имплицитное сравнение цветущих каштанов со свечами объективирует образ свечи как символа жизни:

Я хожу по родному городу,

Как по кладбищу юных дней.

<...>

Пожалей меня, Господи Боже мой,

Догорает моя свеча!.. (с. 225)

Хронотоп детства представлен и в стихотворении Галины Кузнецовой "Киев", где образ "Город из прошлого" имеет "зыбкие", "расплывчатые" контуры: он просвечивается словно через пелену времени (текст насыщен семантикой "пелены", "тумана": "*сквозь листьев зыбкий навес...*", "*сквозь шум морей / Шелест ночного ветра / В листве твоих тополей...*" (с. 238) и сна ("*... над зубчатым лесом / Спят золотые пески*" (с. 238)). "Печальным хмелем" воспоминаний (стихотворение "И я жила, за днем встречая день...") наполнен "Город грустного детства" Галины Кузнецовой, окутанный в "*шелка*", "*тени*" и "*звонкое эхо*" и трансформированный у Семёна Гудзенко в город юности:

<...> *был Киев первою любовью,*

незабываемой вовек (с. 273).

Датированное 1943 годом, стихотворение "Киев" продолжает "кровно-родственную" цепь сопоставлений:

*И во сто крат был кровным братом,
расстрелянный – родным отцом (с. 273).*

Мотив возвращения, усиленный мотивом полета

*(И тогда чей-то вздох,
как последняя капля воды,
Оглушает надеждой,
летящей к тебе через вёрсты.*

*Позабыв обо всём,
вдруг срываешься вверх, в темноту,*

*Заглушая в себе перемен
нарастающий голод,*

*Чтобы снова влететь –
пересечь голубую черту –*

*В этот старый, родной,
никогда не смолкающий город (сс. 295-296)).*

Семантика верха (эксплицированная полетом, птицами, воздухом) сконцентрирована в сакральных образах "говорящих с небом церквей" и "ликом". Киев-СС –

*Этот каменный лик,
освященный спокойным Днепром,
Отразится во мне новостройками
и площадями,*

*И затеплится снова,
забьется под левым ребром*

*Чувство связи с его
говорящими с небом церквями (с. 296)*

сакрализирует урбанистический мир ("старых дворов", "трамваев", "мостов"), превращая его в высшую точку вертикали:

*Нет на свете других
покоряющих сердце высот:*

*Лишь на этих камнях
ощущаю своё утвержденье!*

*Возвращаясь сюда, убеждаюсь,
что город живет,*

*И поэтому мне никогда
не узнать о забвеньи (с. 296).*

Как **объект сопоставления (ОС)** "Киев" реализует не прямые, реверсивные дескрипторы. Так, в стихотворении Бориса Пастернака "Ты здесь, мы в воздухе одном" идея семантической близости "Киева" и "Её" воплощается в мотиве на основе признаков "постоянства, вечности, вездесущности, всепоглощенности" как в мире живой, одухотворенной природы, так и в мире мифосна:

*Ты здесь, мы в воздухе одном.
Твое присутствие, как город,
Как тихий Киев за окном,
Который в зной лучей обернут,*

*Который спит, не опочив,
И сном борим, но не поборот,
Срывает с шеи кирпичи,
Как потный чесучёвый ворот,*

*В котором, пропотев листвою
От взятых только что препятствий,
На побежденной мостовой
Устало тополя толются (с. 350).*

Итак, субъект-объектная позиция образа Киева в русской поэзии 20 века дает возможность увидеть мифологему в целом, определив зоны симметрии-асимметрии в ее интенциональном поле. Центр – ядро интенционального поля – представляют коды живой, одухотворенной природы (вегетативный, флористический, астральный, гидроморфный, пироморфный, ороморфный и т.п.) и антропоморфный, с помощью которых дешифруется образ-субъект сопоставления, что подтверждает этнопредставления о Киеве и реконструирует этнокультурологическую парадигму образа через призму этномифологии и в зеркале индивидуально-авторских художественных систем поэтов, писавших о Киеве.

Аннотация

Вышницкая Ю.В. Субъект-объектная позиция образа Киева в поэзии XX века.

Исследован мифопоэтический компонент языковой модели мира поэтов 20 века, актуализированный мифологемой "Киев". Предложена авторская интерпретация образа: проанализированы дескрипторные ряды интенционалов мифологемы в пространствах полимиров универсума, механизмы трансформации образа в художественном тексте. Описано функционирование мифологемы на различных мифологических срезах, что свидетельствует о многогранности полиэтнического художественного образа "Киев" в текстах русских и украинских поэтов.

Ключевые слова: амбиалентный образ, дескриптор, идиостиль, мифологема, полимиры универсума, сакральный, символ, хронотоп, художественная картина мира.

Summary

Yulia Vyshnytska. Subject-object position of the image "Kiev" in the poetry of the 20th century

In this paper Yulia Vyshnytska investigates mythopoetic component of the language picturesque of poets of 20th century, actualized with mythologemae "Kyiv". The diskroptive lines of intensional mythologemae actions in the poliworld fields of universuum, the ways of images transforming were analyses. The article investigates the functioning of the mythologemae at different culturological layers

that expresses the richness of the poliethnic artistic image "Kyiv" in texts of Ukrainian and Russian poets.

Keywords: ambivalent image, descript, mythologemum, polyworld fields of universuum, symbol, chronotop, poetic picture of the world.